

Open File
Открытая линия

ИГРА С ЯЗЫКОМ И О ЯЗЫКЕ, ИЛИ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Валерий Ефремов

*Российский государственный педагогический университет им.
А. И. Герцена – Санкт-Петербург (Россия)*

Резюме. Статья посвящена анализу и деконструкции новомодного лингвистического направления эколингвистики как самостоятельной научной дисциплины. В работе приводится краткий экскурс в историю дисциплины, не отрицается актуальность таких проблем, как экология языка, сохранение языков меньшинств, изучение языковых взаимодействий, однако ставится под вопрос необходимость выделения эколингвистики в качестве целостной науки при отсутствии собственных объектов, целей, методов и материала анализа. Более того, проблемы эколингвистики могут быть решены и решаются в рамках уже существующих наук: социалингвистика, теория коммуникации, культура речи.

Keywords: ecology of language; ecological linguistics; ecolinguistics

В актуальных лингвистических исследованиях все чаще появляются слова и словосочетания, которые еще несколько лет назад воспринимались как научные метафоры, а сейчас все привычнее используются как сугубо научные термины: *экология языка, экологическая лингвистика, эколингвистика*. На наш взгляд, возникновение данного направления (направлений?) «лингвистики» нарушает знаменитый принцип средневекового философа XIV в. Оккама «Не следует множить сущее без необходимости»: проблемы, выявляемые неопитами и апологетами данной науки как сверхновые и гиперактуальные, без какого-либо труда могут рассматриваться в рамках традиционных отраслей лингвистики. Не умаляя значения и значимости метафоры *экология языка*, которая, безусловно, хороша и отражает суть времени, хотелось бы продемонстрировать тщетность попытки выделить эколингвистику как самостоятельное направление – во всяком случае, в российской науке.

Интересно, что термины «экология языка» и «экологическая лингвистика» («эколингвистика»), созданные на базе естественно-научных терминов, в России имеют двойное происхождение: советское (культурологическое) и американское (лингвистическое).

Использование элементов экологического дискурса в русскоязычной гуманитарной науке имеет не столь уж давнюю историю. 30 лет назад академик Д. С. Лихачев положил начало бурного использования экологической метафоры не только в публицистике, но и в научной речи, употребив достаточно новое и узкоспециализированное в то время слово *экология* в необычных словосочетаниях *экология культуры* и *нравственная экология* в контексте следующих рассуждений: «Экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы» (Likhachyov, 1983: 82 – 83). В одной из своих последних работ Д. С. Лихачев дает максимально емкое определение культурной экологии, которое уже напрямую создает почву для дальнейших научных разысканий и возможных научно-методологических ошибок: «Культурная экология – это и произведения архитектуры, различных искусств, литературы в том числе, *это и язык* (выделено мной. – *B.E.*), это и все культурное наследие человечества» (Likhachyov, 2000: 92). Кстати, приведенное определение свидетельствует о том, что сам Д. С. Лихачев культурную экологию рассматривает не как науку, а исключительно как среду обитания (одно из значений лексемы *экология* – ‘среда обитания всего живого’). В противном случае необходимо было бы признать наличие логической ошибки в данной дефиниции: наука приравнивается к предмету ее изучения (аналогичным было бы утверждение «Лингвистика – это язык»).

В качестве развития намеченной Д. С. Лихачевым концепции экологии культуры с конца 1990-х гг. отечественные ученые все чаще обращаются к проблематике экологии языка, непосредственно связанной с сознанием человека, с определяющими свойствами его личности: выход на проблему экологии языка как неотъемлемой составляющей экологии культуры становится логичным следствием разработки проблемы культурной экологии. Однако на этом этапе, по-видимому, и следовало остановиться. Весь комплекс проблем, обозначаемый как *экология языка*, практически полностью покрывается проблематикой такой прикладной лингвистической науки, как *культура речи*. Более того, с появлением новой, риторической парадигмы культуры речи, сменившей советскую, нормативную парадигму, можно говорить о том, что и психолингвистические, и когнитивные, и коммуникативные, и стилистические проблемы сохранения и развития языка как социокультурного явления в полной мере входят в проблематику современной культуры речи (об этом ниже).

Вместе с тем появление отечественной *эколингвистики* было инспирировано не только развитием культурологических идей Д. С. Лихачева, но и существующей несколько десятилетий на Западе одноименной дисциплины. В зарубежной традиции попытка соотнести возникший в XX в. экологический дискурс с лингвистическими штудиями появляется на десятилетие раньше, чем работы Д. С. Лихачева, и также связана с представлением о необходимости защиты языка.

Западная концепция «экологии языка» восходит к идеям американского лингвиста Эйнара Хаугена, который в 1970 г. в одноименном докладе предложил специфический аспект взаимодействия социо- и психолингвистики: «Экологию языка можно определить как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается общество, использующее язык как один из своих кодов. Язык существует только в сознании говорящих на нем и функционирует только при взаимоотношениях с другими говорящими и с их социальным и естественным (природным) окружением. Частично экология языка имеет физиологическую природу (то есть взаимодействие с другими языками в сознании говорящего), частично социальную (то есть взаимодействие с обществом, в котором язык используется как средство коммуникации). Экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям» (Haugen, 1972: 325). Э. Хауген определил и предмет эколингвистики – «изучение взаимодействия между определённым языком и его окружением», а также «взаимосвязи между языками в уме человека и в многоязыковом обществе» (там же).

В 1970 – 1990 гг. понятийный аппарат эколингвистики разрабатывался и уточнялся рядом западных лингвистов, среди которых и такой известный ученый, как представитель Лондонской лингвистической школы Майкл Халлидей, который в работе «Новые подходы к значению: вызов прикладной лингвистики» (1990) пытался лингвистически описать не только социум, приравненный к экологической среде, но и доминантный экологический контекст, в котором этот социум развивается. По М. Халлидею, язык как форма социальной семиотики способствует развитию самосознания, что, в свою очередь, и порождает культуру (Halliday, 2001).

В качестве примера рецепции естественно-научной терминологии и методов исследования можно привести концепцию Харальда Хаарманна, который в 1980 г. в ряде работ выделил семь «экологических переменных», определяющих языковое поведение языковых групп и отдельных личностей: демографические, социальные, политические, культурные, психические, интеракционные и лингвистические (Haarmann, 1980). По концепции Х. Хаарманна, эти переменные невозможно разделить: они тесно связаны и, взаимодействуя, образуют своеобразную «экологическую систему». Следовательно, экологическая система языка – это взаимосвязь семи экологических переменных, образующих единое целое. Однако следует заметить, что все перечисленные Х. Хаарманном факторы уже и до появления экологической лингвистики так или иначе учитывались социолингвистикой, теорией коммуникации, риторикой, культурой речи.

Одновременно представляется, что с конца 1990-х гг. экологическая лингвистика медленно уходит с арены западной университетской научной жизни. Так, самый известный сайт, посвященный эколингвистике (<http://www.ecoling.net>), приводит наиболее полную и весьма показательную библиографию по данной тематике: из 92 работ, опубликованных с 1973 по 2013 гг., половина монографий

на тему экологической лингвистики изданы в новом тысячелетии, однако большая часть этих работ – либо переиздания сборников ставших уже классическими статей, либо исследования таких экзотических проблем, как влияние эпидемии ящура 2001 г. на деятельность художников, журналистов и фермеров (The social and cultural..., 2009), птичий грипп и проблемы миграции атлантических лососей (Stibbe, 2012) и ряд других.

Более того, проблематика экологической лингвистики расширяется в современной западной науке едва ли не до бесконечности – настолько, что возникает закономерный вопрос о возможности объять столь широкий спектр проблем и задач в границах одной науки. Показателен в этом смысле список перспективных направлений эколлингвистических исследований, приведенный в хрестоматийной статье видного специалиста в данной области:

- лингвистическое разнообразие (его причины, формы, функции и последствия);
- исчезающие языки (документация и спасение малых и исчезающих языков);
- соотношение между биологическим и лингвистическим/культурным многообразием;
- экокритицизм: поиск экологических и неэкологических элементов языковой структуры (грамматика);
- экокритический дискурсивный анализ: тексты, затрагивающие проблемы окружающей среды; дискурсивная реализация идеологии (антропоцентризм, расизм, сексизм);
- обучение эко-грамотности (например, знаниям о всеобщей взаимосвязи в мире);
- создание теорий языка, основанных на экологических принципах (Fill, 2000: 61).

Как видно невооруженным глазом, подобный круг проблем не выдерживает никакой критики и крайне далек от традиционного научного описания материала, так как включает в себя столь разные аспекты анализа столь гетерогенного материала, что вряд ли возможна выработка общих методов и общей концепции данного лингвистического направления в качестве целого и самостоятельного.

Как это часто происходит в отечественной науке, проблемы экологической лингвистики вошли в научный обиход позднее, чем на Западе – в самом конце XIX – начале XXI вв. Наиболее часто цитируемое определение этой науки на отечественной почве было сформулировано Н. Н. Кислицыной, которая определила эколлингвистику как направление в области языкознания, «которое сформировалось на стыке социального (соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза), психологического (проблемы речевого воздействия) и философского (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) направлений в лингвистике» (Kislitsyna, 2004).

Одновременно в отечественной науке уже предпринимается попытка выделить подобласти исследуемого направления: макро- и микроэколлингвистику.

Макроэколингвистика сосредоточивает основное внимание на вопросах общественной, государственной, региональной и мировой значимости (эколингвистические аспекты глоттотаназии, языкового геноцида, языковых конфликтов, языковой политики и языкового планирования и т. д.). Микроэколингвистика предполагает выдвижение на первый план исследования речевых и языковых фактов с учетом факторов эколингвистического порядка с привлечением концептуальных аспектов теории языковых контактов, социоллингвистики, социокультурной антропологии, психоллингвистики (Molodkin, 2003: 5). Показательно, что в данном пассаже самим автором перечислены все основные лингвистические дисциплины, успешно справляющиеся с решением названных проблем, разработка которых якобы является прерогативой эколингвистики.

И если исходить из представления, что эколингвистика «формируется на выявлении законов, принципов и правил, общих как для экологии, так и для развития языка, и исследует роль языка в возможном решении проблем окружающей среды» (Kurilova, 2010: 128), то следует признать, что первое и без того хорошо описано такими имеющими богатую традицию и пусть и недолгую, но полноценную историю лингвистическими дисциплинами, как социоллингвистика, философия языка и культура речи, а второе, вообще-то говоря, не может относиться к компетенции лингвистической науки (*reductio ad absurdum*: можно создать медицинскую, ветеринарную, производственную и т.д. лингвистики, призванные «исследовать роль языка в возможном решении <соответствующих> проблем»).

Видимо, осознавая слишком широкий спектр поставленных перед «новой наукой» задач, а также высокую степень разнородности анализируемого материала, отечественные ученые, вслед за рядом зарубежных коллег, все чаще пытаются выделить разные планы/плоскости/направления данной дисциплины, например, следующую триаду «аспектов экологии языка»:

- *интралингвальный* (связан с культурой речи, стилистикой, риторикой и включает исследования нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи);

- *интерлингвальный* (связан с полиязычием как средой обитания отдельного этнического языка и с проблемой исчезновения языков, уменьшения лингвистического разнообразия на Земле);

- *транслингвальный* (связан с использованием единиц, средств, реалий одного языка/культуры в контексте и средствами иного языка, принадлежащего другой культуре в художественной литературе, фольклоре, публицистике) (Bernatskaya, 2003).

Попутно отметим, что именно с интерлингвальным аспектом существования языка связано одно из первых употреблений термина «экология языка» для обозначения проблемы исчезновения миноритарных языков: в 1991 г. профессор С. Вурм провел прямые параллели между экологическими катастрофами, связанными с резким сокращением или уменьшением среды обитания, с вытеснением одних биологических видов их более сильными конкурентами, и исчезновением

неконкурентоспособных языков (Yartseva, 1993: 4). Вместе с тем данная проблема – важная и обязательная область исследования языковой политики как составной части современной (макро)социолингвистики, поэтому вряд ли можно говорить о необходимости выделения в качестве самостоятельного подраздела новой науки уже существующую область исследований другой науки.

Несмотря на возникшую в современной науке моду на экологические разыскания, следует признать, что в отечественной традиции уже существует направление, которое практически в полной мере покрывает интралингвальный и транслингвальный аспект новоявленной дисциплины и которое странным образом игнорируется в некоторых научных сообществах России. Я имею в виду культуру речи.

Культура речи как область языкознания, занимающаяся проблемами нормализации речи, а в последнее время – широким кругом вопросов взаимодействия коммуникации и языковой личности говорящего (включая ее когнитивный, психо- и социолингвистические планы), считается находкой советской лингвистики (в западной традиции подобные проблемы решают практическая стилистика, теория коммуникации, риторика, психолингвистика – каждые в своих аспектах). В СССР в 1920-е гг., когда под запретом оказывается буржуазная и изжившая себя в школьном изводе риторика, появляются первые работы, связанные с разработкой и практическим применением теории языковой нормы, с вопросами психологии речевого поведения, с исследованиями социолингвистических параметров *homo loquens*.

В отличие от советского периода, когда царствовало нормализаторское направление культуры речи, в конце XX века парадигма изменилась: преобладающим становится риторическое (понимаемое шире, чем просто риторика) направление. Культура речи в современном ее понимании предполагает не только владение нормами литературного языка, умение осуществлять выбор языковой единицы в зависимости от ситуации общения и поставленных коммуникативных целей (интралингвальный аспект), но и широкий спектр разнообразных компетенций, связанных с риторикой, толерантностью, межкультурной коммуникацией (транслингвальный аспект).

Развитие культуры речи в риторическом, отчасти экспансионистском, направлении не могло не привести к проблеме экологии слова и экологии языка. Неслучайно, оценивая процессы, происходящие в современной речи, профессор Л. И. Скворцов, никак не связанный с экологической лингвистикой, пишет: «В оценке подлинных болезней языка очень важным оказывается и собственно экологический подход. Ведь так же, как в природе есть предельные уровни радиации, загазованности атмосферы, загрязненности водной среды, выше которых могут начаться необратимые процессы разрушения, так и в языке существуют пределы его искажения, огрубления, нарушения смысловых, стилистических и грамматических норм. И дальше этих пределов говорить о языке как об орудии мысли, важнейшем средстве общения и первоэлементе литературы попросту не приходится» (Skvortsov, 1994: 5).

Итак, резюмируя, можно сказать, что появление такого «нового направления языкознания», как экологическая лингвистика (эколингвистика) – определенная дань научной моде нынешнего *fin de siècle* на так называемые «смежные дисциплины» (лингвосинергетика, юрислингвистика, политическая лингвистика и др.): никаких специальных методов, особого материала или уникальных задач и целей исследования она не имеет. Более того, всё то, что представители данной науки представляют как сверхновое и архиактуальное, уже давно изучается такими самостоятельными дисциплинами, как социоллингвистика, теория коммуникации, культура речи.

REFERENCES/ЛИТЕРАТУРА

- Bernatskaya, A. (2003). O tryokh aspektakh ekologii yazyka. Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. *Gumanitarnye nauki*. № 4. [Бернацкая, А. (2003). О трёх аспектах экологии языка. Вестник Красноярского государственного университета. *Гуманитарные науки*. № 4.]
- Kislitsyna, N. (2004). *Ekolingvistika – novoye napravleniye v yazykoznanii*. <http://dspace.nbuu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/73781/12-Kislitsina.pdf?sequence=1> [Кислицына, Н. (2004). *Эколингвистика – новое направление в языкознании*. <http://dspace.nbuu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/73781/12-Kislitsina.pdf?sequence=1>]
- Kurilova, N. (2010). *K problem issledovaniya ekologicheskogo diskursa prirody*. Mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Tyumen', 11 – 13 noyabrya, 2010 g.). Tyumen: TyumGU. [Курилова, Н. (2010). *К проблеме исследования экологического дискурса природы*. Матер. междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 11 – 13 ноября, 2010 г.). Тюмень: ТюмГУ.]
- Likhachyov, D. (1983). *Ekologiya kul'tury*. D. S. Likhachyov. Zemlya rodnaya. Moskva: Prosveshcheniye. [Лихачев, Д. (1983). *Экология культуры*. Д. С. Лихачев. Земля родная. Москва: Просвещение.]
- Likhachyov, D. (1999). *Ekologiya kul'tury*. D. S. Likhachyov. Russkaya kul'tura. Moskva: Iskusstvo. [Лихачев, Д. (1999). *Экология культуры*. Д. С. Лихачев. Русская культура. Москва: Искусство]
- Molodkin, A. (2003). *Predisloviye. Ekolingvistika: teoriya, problemy, metody*. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov / Pod red. A. M. Molodkina. Saratov: Nauchnaya kniga. [Молодкин, А. (2003). *Предисловие. Эколингвистика: теория, проблемы, методы*. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. А. М. Молодкина. Саратов: Научная книга.]
- Skvortsov, L. (1994). Chto ugrozhayet literaturnomu yazyku? *Russkiy yazyk v shkole*. № 5. [Скворцов, Л. (1994). Что угрожает литературному языку? *Русский язык в школе*. № 5.]

- Yartseva, V. (1993). *O sud'bakh yazykov v sovremennom mire*. Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. T. 52. № 2. [Ярцева, В. (1993). О судьбах языков в современном мире. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 52. № 2.]
- Fill, A. (2000). *Language and Ecology: Ecolinguistic Perspectives for 2000 and Beyond*. Selected papers from AILA '99 Tokyo: 12th World Congress of Applied Linguistics. Tokyo: Waseda University Press
- Haarmann, H. (1980). *Multilingualismus 2. Elemente einer Sprachökologie*. Tübingen.
- Halliday, M. (1990). *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics* (1990). The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. L., NY: Continuum, 2001.
- Haugen, E. (1972). *The Ecology of language*. Essays by E. Haugen. Stanford: Stanford University Press.
- Stibbe, A. (2012). *Animals erased: discourse, ecology and reconnection with the natural world*. Middletown: Wesleyan University Press.
- (2009). *The social and cultural impact of the 2001 outbreak of foot and mouth disease in the UK: From Mayhem to Meaning* / Ed. by M. Doering, B. Nerlich. Manchester University Press.

LANGUAGE GAME AND GAME LANGUAGE ON ECOLINGUISTICS

Abstract. The article is devoted to analyse and deconstruction new-fashioned ecolinguistics as an independent scientific discipline. Giving a brief historical excursus this discipline and not denying the relevance of the ecology of language, the conservation of minority languages, the study of linguistic interactions, the author questions the need to allocate ecolinguistics as a holistic science in the absence of the original objects, goals, methods, and material for analysis. Moreover, ecolinguistics problems can be solved within the framework of the already existing sciences, such as sociolinguistics, communication theory of speech, theory of speech standards.

✉ **Prof. Valeriy Efremov, DSc.**

Russian Language Department
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russia
E-mail: valef@mail.ru